

Николай Вагнер

Чухлашка

Николай Вагнер
Чухлашка

«Public Domain»

1872

Вагнер Н. П.

Чухлашка / Н. П. Вагнер — «Public Domain», 1872

ISBN 978-5-04-011690-4

«Случилось это в очень тяжелый год. Была холера. В нашем городе все ее боялись: город был большой, и грязи в нем было много, даже слишком. И вот среди этой грязи в один пасмурный холодный день, на самой грязной, топкой улице появилась девочка лет восьми – десяти. Откуда она явилась? Никто этого не знал, да и узнать не мог, как она очутилась на дощатом поломанном тротуаре подле длиннейшего забора...»

ISBN 978-5-04-011690-4

© Вагнер Н. П., 1872
© Public Domain, 1872

Содержание

I	5
II	6
III	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Николай Вагнер

Чухлашка

I

Случилось это в очень тяжелый год. Была холера. В нашем городе все ее боялись: город был большой, и грязи в нем было много, даже слишком.

И вот среди этой грязи в один пасмурный холодный день, на самой грязной, топкой улице появилась девочка лет восьми – десяти. Откуда она явилась? Никто этого не знал, да и узнать не мог, как она очутилась на дощатом поломанном тротуаре подле длиннейшего забора.

Девочка была оборванная, растрепанная, грязная; но сквозь грязь и отрепья можно было разглядеть бледное личико с пухлыми губками и застывшей недоумевающей улыбкой. Но всего необычнее были у девочки глаза – большие, ясные, голубые. И смотрела она этими глазами на всех прямо, не жмурясь и не опуская их. На голове – рваный платочек, из-под платка выбивались длинные, шелковистые космы русых волос, да такие густые, что можно подумать, будто под платком у нее надета шапка.

Прежде всех девочку заметила Трофимовна, одинокая баба, толстая, болтливая и всегда немного пьяная, известная сплетница и пересудчица.

– Ты отколь? – спросила Трофимовна.

Так как все окрестные жители, и старые и малые, были известны Трофимовне наперечет, то понятно, что новое лицо сейчас же бросилось ей в глаза.

– Ты отколь? – повторила свой вопрос Трофимовна.

Но девочка ничего не отвечала, только смотрела на нее во все глаза, а ручонками перебирала остатки чего-то вроде платка, едва покрывавшего ее худенькие плечики.

– Я те спрашиваю? Отколь ты?.. – Трофимовна нагнулась к девочке и смотрела на нее в упор красными слезящимися глазками.

Девочка молчала.

– Да ты говоришь али нет? – усомнилась Трофимовна. – Язык-то есть у тебя али нет?..

Посмотрев на девочку пристально, она вдруг отшатнулась от нее и заторопилась по тротуару прочь, с испугом оглядываясь и крестясь.

«Батюшки светы» – думала она. – «Что же я с ней прохлаждаюсь?! Ведь это как есть холера! Господи, спаси и помилуй!..» – И она поторопилась, чтобы скорее всем рассказать про свое открытие.

– Така махонька да худенька, – говорила она, – ровно девочка; а головка большущая – большущая, и во какие космы с головы ползут!.. Как она на меня взглянула!.. Как взглянула глазищами-то! Батюшки-матушки!.. А глазищи большие-большие, так и горят! – рассказывала Трофимовна по пути всем своим соседям – и ближним, и дальним.

А все дивились, расспрашивали:

– Где? Где холера?!

И все бежали, торопясь посмотреть на «холеру». Но «холера» уже исчезла, на тротуаре у длиннейшего забора никого не было. Девочка скрылась.

II

По большой улице, там, где расположились лучшие магазины, мимо «Гостиного двора» проезжала карета. В карете сидела полная барыня.

На самом бойком месте карета вдруг резко остановилась, кучер закричал: «Гирру!» – и осадил лошадей. Произошла какая-то возня, суматоха; барыня испуганно вскочила и выглянула в опущенное окно кареты.

– Что такое? Что такое? Герасим!

Кучер Герасим кричал рассерженно на кого-то:

– Что те носит, окаянная?! Зря под коней лезешь! Около кареты собралась толпа прохожих и тоже что-то кричала.

Барыня выскочила из кареты:

– Что такое?.. Что там, Герасим?!

– Девочку задавили!

В это время Герасим с Селифонтием, лакеем, сидевшим на козлах, и несколько прохожих подняли с мостовой девочку и наперебой расспрашивали, где она ушиблась.

Но девочка ничего не отвечала, а только смотрела большими голубыми глазами на окружающих. Она была в грязном обтрепанном платье, густые светло-русые космы выбивались из-под ее платка.

– Селифонтий! – окликнула барыня. – Посади ее в карету! Ах ты, Господи!.. Она с испугу и говорить не может!

Селифонтий хотел было поднять девочку на руки и исполнить приказание барыни, но остановился.

Девочка была вся в грязи. В грязи были ее маленькие, худенькие ножки, руки, лицо, все ее платье.

– Ничего! Ничего!.. Она не запачкает меня! – проговорила барыня и, подобрав платье, влезла в карету. – Посади ее, Селифонтий, в угол... Ах, бедная девочка!.. У нее, должно быть, с испугу и язык отнялся.

Селифонтий обхватил девочку и посадил в карету. Она не издала ни звука, не сопротивлялась и молча сидела в углу кареты, посматривая на всех большими, ясными, кроткими глазами.

Карета тронулась, и народ стал расходиться.

– Ты, верно, через улицу хотела перейти, милая? – расспрашивала барыня. – Да?..

Но девочка молчала и, не опуская глаз, прямо смотрела на барыню.

– Должно быть, она сильно испугалась, – догадалась барыня. – Совсем язык отнялся... Господи, Господи!.. Привезу ее домой, заставлю вымыть... натру спиртом, уложу, напою липовым цветом или бузиной... – И барыня отдалась своим лекарственным соображениям. Временами она обращалась к девочке с вопросами, но девочка продолжала молчать.

Барыня была сердобольная, она не могла без ужаса подумать, что было бы, если бы девочку ушибли или (спаси, Боже!) раздавили лошади.

– А все этот Герасим неосторожный!.. Сколько раз говорила ему!

А Герасим гнал лошадей, и они в десять минут донесли карету до дому.

Это был большой двухэтажный дом с колоннами, со львами на воротах, с большим палисадником, огороженным красивой чугунной решеткой.

III

Графиня была вдова. Муж ее некогда управлял каким-то большим отделением; был он очень знатный барин, жил роскошно, открыто и оставил после себя трех детей.

Старший сын, Лев, был теперь уже студент третьего курса, историк-филолог. Младшего сына, семнадцатилетнего Созонта, все знакомые называли «философом» за его чудачества. Старший брат был красавец, статный, ловкий, с выразительными голубыми глазами и черными курчавыми волосами, а младший, наоборот, был ростом два аршина пять вершков (аршин – около 70 см, вершок – около 4,5 см), худой, бледный, болезненный юноша, с большой головой клином. На этой голове росли редкие белесоватые волосы, и росли они плохо, так что издали Созонт казался совсем лысым, – тем более что графиня постоянно держала его остриженным под гребенку в надежде, что волосы хоть когда-нибудь да вырастут. Созонт был уже в восьмом классе гимназии и на следующий год должен был стать студентом.

Такая разница была не только в наружности братьев, но еще более в их душевном складе.

Старший брат Лев был джентльмен, рыцарь, готовый защищать мечом свою графскую честь, ловкий танцор, блестящий кавалер, виртуозный музыкант.

Философ был тихий и угрюмый разумник, который глубоко задумывался над каждой малостью. У него была не комната, а нора, даже две норы – две большие низенькие залы внизу, за маленьким коридорчиком – темные, но теплые. Он сам их выбрал, потому что там никто не мешал ему читать и думать, думать и читать. А он читал и думал постоянно, несмотря на все запрещения докторов.

Сестра их – четырнадцатилетняя Люша – была девочка очень миленькая, не очень умная, но бесконечно добрая. Она уродилась в мать: с таким же крохотным лбом, с густыми черными волосами, такой же приветливой улыбкой на пухлых губах и ясными добрыми глазами.

Кроме того, у графини воспитывался еще ее племянник, сирота Шура, сын ее умершей сестры. Графиня очень любила детей и страшно баловала шестилетнего Шуру.

Карета графини остановилась у подъезда, Селифонтий подбежал отворить дверцы, а швейцар почтительно распахнул большие двери подъезда. Любопытный племянник был уже в передней на окне, и его бонна никак не могла уговорить его идти наверх. Он непременно хотел видеть, как тетя высаживается из кареты.

Но прежде тети вдруг высадили какую-то девочку, и любопытство Шуры разгорелось до крайности.

– Это что такое? – допрашивал бонну мальчик.

– Видишь, девочку какую-то привезли, – ответила бонна.

– А как ее зовут?..

И прежде чем бонна успела остановить его, он соскочил с окна и опрометью бросился наверх сообщить, что тетя привезла какую-то девочку-замарашку.

Разумеется, он сообщил об этом сестре Люше и взбудоражил весь дом, так что не только Философ, но даже старший брат Лев решил сойти вниз посмотреть, какого там еще урода привезла сердобольная *taman*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.